

М. А. Жиркова, О. В. Капустина

Литературные заслуги А. И. Куприна перед Советским государством

Впервые проанализированы документы пенсионного дела А. И. Куприна, которые позволили назначить вдове писателя персональную пенсию республиканского значения. Заключение, содержащее оценку и характеристику творчества писателя, было подготовлено советским литературным критиком В. И. Бойчевским, который во многом повторил оценки писателя в дореволюционной критике, но при этом по-своему расставил акценты, обращая особое внимание на обличение писателем дореволюционного прошлого и близость его произведений духу нового советского строя, утверждая таким образом А. И. Куприна как важного для современной литературы писателя, ставя его в один ряд с признанными классиками и включая его творчество в единый историко-литературный процесс. Сам факт назначения жене писателя весьма статусной персональной пенсии свидетельствует о признании А. И. Куприна одним из самых значительных писателей дооктябрьской эпохи.

Ключевые слова: А. И. Куприн, В. И. Бойчевский, эмиграция, критика, персональное пенсионное обеспечение, пенсионное дело, размер пенсии

Marina A. Zhirkova, Ol'ga V. Kapustina

Literary merits of A.I. Kuprin before the Soviet state

For the first time, the documents of the pension case of A. I. Kuprin are presented, which allowed the writer's widow to be assigned a personal pension of republican significance. The conclusion containing an assessment and characterization of the writer's work was prepared by the Soviet literary critic V. I. Boychevsky, who repeats the writer's assessments of pre-revolutionary criticism. But at the same time, he places accents in his own way, paying special attention to the writer's denunciation of the pre-revolutionary past and the closeness of his works to the spirit of the new Soviet system, thus asserting A. I. Kuprin as an important writer for modern literature, putting him on a par with recognized classics and including his work in a single historical and literary process. The very fact of assigning a very high-status personal pension to the writer's wife testifies to the recognition of A. I. Kuprin as one of the most significant writers of the pre-October era.

Keywords: A. I. Kuprin, V. I. Boychevsky, emigration, criticism, personal pension provision, pension file, size of pension

DOI 10.30725/2619-0303-2022-2-49-57

О возвращении А. И. Куприна в Россию написано и опубликовано в настоящее время много: воспоминания современников, архивные и историко-литературные материалы. Благодаря работе сотрудников пензенского Литературного музея в 2016 г. вышла Купринская энциклопедия [1], в 2020 г. – книга воспоминаний, писем и документов, посвященных писателю [2], в которых отдельные статьи раскрывают обстоятельства его возвращения на родину и события последних дней жизни в Советском Союзе. Что-то в настоящее время подвергается критике, некоторые факты корректируются и уточняются, например, в статьях А. В. Храбровицкого [3], Л. В. Расказовой [4]. Мы вновь касаемся отдельных аспектов данной темы в связи с рассмотре-

нием архивных документов, содержащих сведения о назначении пенсии жене писателя – Елизавете Морицевне Куприной (1882–1942). Задача данного исследования: на основании материалов пенсионного дела, назначенного Е. М. Куприной за заслуги ее мужа, подчеркнуть литературные достижения писателя, благодаря которым он был объявлен в СССР русским классиком одного ряда с Ф. М. Достоевским, Л. Н. Толстым и А. П. Чеховым. Так как пенсия, назначенная жене писателя, являлась пенсией по случаю потери кормильца, то само пенсионное дело в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) значит как пенсионное дело А. И. Куприна. Следующая задача – анализ не публиковавшегося ранее заключения советского

литературного критика В. И. Бойчевского о вкладе А. И. Куприна в развитие русской литературы.

Основными источниками служат документы вышеупомянутого пенсионного дела, в том числе: заключение В. И. Бойчевского [5, л. 19–20 об.], содержащее оценку и характеристику творчества писателя с точки зрения советской идеологии, ходатайство Правления Союза советских писателей и Правления литературного фонда СССР [5, л. 18] и Личная карта лица, испрашивающего назначение персональной пенсии или пособия, оформленная на имя А. И. Куприна [5, л. 15–15 об.]. Кроме этого, использованы воспоминания современников писателя и исследования ученых: В. Д. Миленко, Т. А. Каймановой, Л. В. Расказовой и др.

А. И. Куприн в 1937 г. вернулся из эмиграции в Советскую Россию. Причины его возвращения были понятны как в эмигрантской среде, так и в советской: «Разумеется, – и это ясно для всех – Куприн вернулся в Россию не по каким-нибудь политическим соображениям, – туда его погнала нужда, но, может быть, туда его манили еще и призраки любимой Гатчины, видения и сны невозвратной молодости» [6, с. 763]. После почти восемнадцати лет эмиграции Куприн вернулся в Россию фактически, чтобы умереть на родине. Известны слова писателя о том, что, «если бы я знал, что умираю, что непременно и скоро умру, то и я бы уехал на родину, чтобы лежать в родной земле» [7, с. 624].

Предложение о возвращении в Россию Куприну поступали и раньше, еще в начале 1920-х гг.: в 1922 г. ему писала дочь Лидия, в 1923 г. редактор литературно-художественного сборника «Недра» Николай Семенович Клестов-Ангарский передал письмо от первой жены Марии Карловны Иордановой, уговаривавшей его вернуться на родину [8, с. 288]. Но писатель каждый раз отказывался. Почему? Возможно, дело в неверии в советскую власть, которая не только милует, но и карает, возможно, потому что не хотел уподобиться А. Н. Толстому, которому за возвращение досталось в том числе и от Куприна, откликнувшегося на его отъезд резкой статьей «Липкая бумага» (1925).

В начале 1930-х гг. Александр Иванович стал сдавать, начались серьезные проблемы со здоровьем, он начал слепнуть, поэтому неудивительно, что на следующее приглашение Куприны ответили согласи-

ем. Сложно сказать, кто был более убедителен, дочь писателя называет И. Я. Библина, который до своего возвращения в Россию беседовал с Куприным. Сам художник вернулся на родину в сентябре 1936 г. и навещал Куприна по приезде последнего в Москве [9, с. 864]. По словам Ксении Александровны, которые, конечно, откорректированы временем и условием создания книги воспоминаний об отце, инициатива исходила чуть ли не от нее, когда после приглашения от советского посла во Франции В. П. Потемкина, первый визит и первый шаг на пути возвращения на родину сделала она сама. К. А. Куприна также пишет о радостных и счастливых, обласканных и успокоенных родителях после первого посещения ими советского посольства и нескольких последующих визитах четы Куприных к послу в дальнейшем [10, с. 231–232]. Но, возможно, дело не в том, кто уговорил, а в состоянии здоровья писателя и условиях его жизни, о которых, как о тяжелых и удручающих, говорят многие его современники.

В 1996 г. впервые были опубликованы документы, предшествовавшие этому решению, например, Записка советского посла во Франции В. П. Потемкина наркому внутренних дел Н. И. Ежову от 12 октября 1936 г., в которой делается акцент на интересе возвращения А. И. Куприна «с точки зрения политической».

Потемкин ссылается на встречу со Сталиным в Москве и личное согласие того на возвращение писателя домой: «Тов. Сталин ответил мне, что, по его мнению, Куприна впустить обратно на родину можно» [11, с. 153]. Все, кто вспоминает писателя в последний год его жизни в эмиграции, а также по приезду в Россию, отмечают потерянность и непонимание им происходящего, говорят о его болезненной слабости и старческой немощи. Возможно, эта просьба исходила от Е. М. Куприной. Вопрос о разрешении въезда писателя в СССР был вынесен на рассмотрение членов Политбюро ЦК ВКП (б) и решен положительно.

По просьбе полпреда Куприны хранили посещение посольства и предполагаемый отъезд в тайне и никому не говорили о сборах в дорогу: «Он просил семью Куприна соблюдать до момента отъезда строгую конспирацию» [3, с. 357]. Известно, что провожать чету Куприных пришла только дочь Ксения и вдова Саши Черного – Мария Ивановна, много лет они дружили семьями.

Литературные заслуги А. И. Куприна перед Советским государством

Надо отдать должное советскому послу во Франции, в Записке, адресованной Ежову, он также беспокоился о содержании семьи писателя. Как бы политизировано его слова ни звучали сейчас, в них и человеческая забота, и реальный взгляд на действительность: «Для меня не безразлично было выяснить, чем будет жить Куприн, если к нам вернется. Прежде всего, думается, можно было бы переиздать кое-какие его сочинения, среди которых имеются и хорошие вещи. Это дало бы ему некоторое обеспечение. Во-вторых, можно было бы использовать по линии совкино дочь Куприна, довольно известную молодую киноактрису» [11, с. 153]. Правда, использовать Ксению Александровну не получилось, она так и осталась в Париже и в Россию вернулась несколькими десятилетиями позднее – в 1958 г.

В Советском Союзе Куприны прожили недолго: приехали в мае 1937 г., Александр Иванович умер в августе 1938 г., а Елизавета Морицевна – в июле 1943 г. Один год прожил Куприн на родине, пять лет его жена.

Для поддержания престижа молодого Советского государства возвращение из эмиграции известного русского писателя имело чрезвычайно важное значение. 31 мая 1937 г. на вокзале в Москве была организована торжественная встреча бывшего эмигранта, с цветами, приветственной речью, корреспондентами и фотографами, которые запечатлели постаревшего, похудевшего и растерянного Александра Ивановича, крепко державшегося за руку жены. Приезд и пребывание Куприна на родине широко освещались, от его имени появлялись публикации о восхищении Советским Союзом.

Однако в Записке генерального секретаря Союза писателей СССР В. П. Ставского, адресованной в ЦК ВКП (б) и Совнарком СССР от 3 июня 1937 г., описывается тягостное впечатление от встречи с полуслепым и полуглухим, ничего не понимающим Куприным-стариком и выражается просьба об организации писателю санаторного лечения (месяц-полтора) и устройство ему жилища под Москвой или Ленинградом – силами и средствами Литфонда СССР [11, с. 155]. Решением Политбюро ЦК ВКП (б) просьба была одобрена.

Летом 1937 г. писатель отдыхал и лечился в Доме отдыха Литфонда «Голицыно». По воспоминаниям заведующей

Домом С. И. Фонской, «жили они тихо, наслаждаясь покоем, любясь неяркими красками нашей среднерусской природы, всем, всем, что олицетворяется в понятии „дом“, „родина“. Почти каждый день совершали медленную прогулку к речке» [12, с. 869].

Чтобы предоставить возвратившемуся писателю средства к существованию, «Гослитиздат подготовил к изданию 2 тома произведений А. Куприна, что даст ему около 45 тысяч рублей гонорара» [11, с. 155]. В июне 1937 г. двухтомник был издан [13]. Добавим, что еще до возвращения Куприна на родину в 1936 г. предпринимались попытки снять фильм «Господа офицеры» по повести «Поединок»: в ЦГАЛИ хранятся несколько вариантов сценариев к нему (литературный сценарий В. Голичникова и В. Папоригопуло, режиссер – И. Сорохтин) [14–16]. После возвращения в Россию Е. М. Куприна в письмах к дочери также писала о начале работы над фильмом по повести «Поединок» в декабре 1937 г. и подготовке сценария по рассказу «Штабскапитан Рыбников» [10, с. 242], договор на экранизацию которого был подписан в октябре 1937 г. [17, с. 784].

По словам Елизаветы Морицевны, велись также переговоры о повести «Олеся» [10, с. 242], а Б. Хеллман называет в том числе рассказ «Гамбринус», но запланированные фильмы в то время так и не были сняты [18, с. 79].

В столице Куприны прожили до конца 1937 г., затем переехали в Ленинград в выделенную для них квартиру на Лесном проспекте, в дом № 61. Лето 1938 г. супруги провели в Гатчине. Гатчинский дом Куприных был занят, поэтому они остановились у соседки, Александры Александровны Белогруд, с которой познакомились и дружились после возвращения на родину. Это были последние счастливые дни семьи, в конце июня писателя увезут на скорой помощи в больницу. Куприн тяжело болен, у него страшный диагноз – рак пищевода. Кроме этого, у писателя были и другие проблемы со здоровьем. 10 июля 1938 г. ему сделали операцию. Поддержать Елизавету Морицевну и попрощаться с Александром Ивановичем из Москвы приехала его первая жена – Мария Карловна Иорданская. Куприн умер на руках двух любимых им женщин 25 августа 1938 г. и был похоронен в Ленинграде на Литераторских мостках Волкова кладбища, так и не дождавшись приезда дочери.

После смерти писателя встал вопрос о постоянном материальном обеспечении его вдовы. Самым логичным было предоставление ей персонального пенсионного обеспечения по случаю потери кормильца за умершего мужа, которое являлось одной из составляющих советской системы привилегий [19, с. 58].

В середине 1930-х гг. в Советском Союзе уже была выстроена трехуровневая система персонального пенсионного обеспечения: персональные пенсии местного, республиканского [20] и союзного [21] значения. Пенсии этого вида устанавливались за исключительные заслуги перед государством в области революционной и профессиональной деятельности, а также в области науки, искусства и техники. Их уровень зависел от признанной государством величины заслуг.

Союзные пенсии не всегда превосходили по размеру республиканские, так как выплачиваемая сумма определялась в каждом отдельном случае в зависимости от степени утраты претендентом трудоспособности, количества находящихся на его иждивении лиц, а также от его заработка до момента потери им трудоспособности, однако статус персонального пенсионера союзного значения позволял пользоваться наиболее широким пакетом льгот.

Впрочем, введенные в 1928 г. пенсии союзного значения не сразу получили широкое распространение. В середине 1930-х гг. многим выдающимся революционерам, героям Гражданской войны и видным деятелям культуры и искусства, а также членам их семей назначались именно республиканские пенсии.

В период рассмотрения вопроса о предоставлении вдове А. И. Куприна пенсионного обеспечения, персональные пенсии республиканского значения получали: Н. М. Чернышевская-Быстрова (внучка писателя) – 150 р с 1 декабря 1935 г. [22, л. 1 об.]; художник К. С. Петров-Водкин – 225 р с 1 февраля 1931 г. по 31 декабря 1936 г. и с 1 февраля 1939 г. [23, л. 7 об.]; М. Ф. Петрова-Водкина (вдова художника) – 225 р с 1 февраля 1939 г., 300 р с 1 февраля 1940 г. [23, л. 7 об.]; писатель В. В. Вересаев – 250 р с 1 августа 1932 г., 264 р с 1 февраля 1937 г. и 350 р с 1 октября 1938 г. [24, л. 1 об.]; Я. Э. Дзержинская (сестра наркома) 300 р с 1 марта 1936 г. и 400 р с 1 ноября 1937 г. [25, л. 1 об.]. Для сравнения: с 1 января 1937 г. инвалидам Гражданской войны

и военной службы в рядах РККА, бывшим красногвардейцам и красным партизанам государственные пенсии устанавливались в следующих размерах: инвалидам первой группы, т. е. нетрудоспособным, нуждающимся в постоянном постороннем уходе и не имеющим связи с сельским хозяйством (наличие земельного надела предполагало получение дополнительного дохода и, соответственно, было причиной уменьшения размеров пенсий), полагалось 65 р; инвалидам второй группы, нетрудоспособным, но не требующим постороннего ухода, без связи с сельским хозяйством – 45 р. Для имеющих сельское хозяйство – 40 и 25 р соответственно [26, с. 197].

31 мая 1939 г., через девять месяцев после смерти А. И. Куприна, в Народный комиссариат социального обеспечения РСФСР было направлено ходатайство Правления Союза советских писателей и Правления Литературного фонда СССР о назначении персональной пенсии его жене – Елизавете Морицевне, подписанное А. Фадеевым и К. Фединым [5, л. 18]. Ходатаи, называя заслуги Александра Ивановича исключительными, просили для нее пенсии в размере 400 р, приложив в качестве подтверждения заслуг писателя вышеупомянутое заключение литературного критика В. И. Бойчевского от 30 мая 1939 г. (официальное наименование документа отсутствует) [5, л. 19–20 об.], содержащее перечисление основных достижений Александра Ивановича на литературном поприще.

Первоначально с 1 июля 1939 г. Е. М. Куприной была назначена пенсия республиканского значения в размере 250 р [5, л. 15 об.], но затем с этой же даты размер был увеличен до 300 р [5, л. 16]. С 1 июля 1943 г. выплата персональной пенсии Е. М. Куприной была прекращена в связи со смертью [5, л. 15 об.]. Возможно, в будущем жену писателя перевели бы на союзную пенсию. Однако это только предположения.

Несколько слов о судьбе вдовы писателя. После смерти мужа Елизавета Морицевна организовала в их квартире небольшой музей, вела переговоры с киностудиями и издательствами [8, с. 329].

В 1940 г. поступила на службу в Академию художеств хранителем фототеки, возможно, по ходатайству А. А. Белогруд, работавшей тогда же в Академии. Во время войны Е. М. Куприна жила в общежитии при Академии, организованном для со-

Литературные заслуги А. И. Куприна перед Советским государством

трудников. А. А. Белогруд вспоминала, что вдова писателя находилась в страшном физическом состоянии: с трудом уговорив, ее определили на лечение в больницу с усиленным питанием. Но Елизавета Морицевна и здесь осталась самой собой: все, что ей давали для поддержания ее сил, она раздавала другим [27, с. 955]. Помимо физического истощения, она находилась в тяжелом психическом состоянии, которое усугублялось отсутствием вестей от единственного близкого и родного для нее человека – дочери Ксении, находящейся в оккупированной Франции

7 июля 1943 г. Е. М. Куприна покончила с собой. Вокруг самоубийства Елизаветы Морицевны много домыслов и фантазий, реальные обстоятельства ее смерти раскрываются в публикации Л. В. Рассказовой и Т. А. Каймановой [28, с. 296–297]. Здесь сказалось все: война, блокада, физическое и нервное истощение, психическое нездоровье.

Вернемся к архивным документам. В Личной карте лица, испрашивающего назначение персональной пенсии или пособия, о самом писателе сообщается следующее: «Партийность 5 лет» [5, л. 15], а в качестве характеристики заслуг в области революционной, профессиональной, военной, научной указано: «Известный русский писатель дооктябрьского периода. Лучшие его произведения вошли в золотой фонд русской литературы прошлого времени». Последнее предложение в деле повторяется, как рефрен, трижды: в Личной карте, в письме-ходатайстве А. Фадеева и К. Федина и в характеристике творчества писателя, подготовленной В. И. Бойчевским. Да, это сплошные штампы, но они призваны были убедить Комиссию по назначению персональных и академических пенсий и пособий при Совете Народных Комиссаров (СНК) РСФСР в необходимости предоставления Е. М. Куприной достойного материального обеспечения. При этом никаких сведений о членстве Куприна в какой-либо партии найти не удалось, наоборот, биографы писателя подчеркивают его беспартийность [1, с. 185, 532].

Характеристика творчества А. И. Куприна составлена Василием Ивановичем Бойчевским, автором ряда статей в литературной энциклопедии 1929–1939 гг. издания [29], критических очерков, посвященных современным ему писателям и поэтам: С. Есенину, М. Горькому, Д. Бедному, А. Фе-

дину и др. Он также один из авторов новой методики чтения и изучения литературы в рабоче-крестьянской среде, сторонник политико-просветительского подхода в изучении литературы (организация литкружков, литературных лекций в клубах и избаччитальнях, литературно-художественных вечеров, литературных судов) [30–32]. Интересно обратить внимание на установки Бойчевского, используемые им при внедрении новых методов постижения литературы: «Без увязки с современностью и с вопросами, интересующими массу и понятными ей, литература не пойдет. Необходимо и должно знакомить массу не только с современной литературной продукцией, но и с лучшими образцами литературы прошлого» [30, с. 3–4].

Они явно перекликаются с выводом в подготовленном им заключении о творчестве писателя и возведении произведений Куприна в золотой фонд русской литературы.

Само заключение, хранящееся в пенсионном деле писателя, представляет собой три страницы рукописного текста. Стилистически оно выдержано в духе и лексике советской идеологии: Куприн «показал жизнь рабочих», «резко критическое отношение к царской армии», «умел срывать с буржуазного строя маски, прикрывающие ханжество и лицемерие его представителей», «противопоставлял представителям буржуазии людей из народа», «умел отрешиться от мертвящих условностей жизни капиталистического общества». Автор делает акцент на дооктябрьском периоде творчества писателя, не касаясь эмигрантского периода, умалчивая о нем, как будто его не существует. Прежде всего он причисляет писателя к реалистическому направлению в литературе: «А. И. Куприн в до-Октябрьской литературе примыкал к ее реалистическому крылу. Произведения писателя отличаются широтой наблюдения» [5, л. 19]. Отнести творчество Куприна к новому направлению, сложившемуся в современной литературе, – соцреализму, сложно, но в данном случае критик дважды повторяет свою мысль о принадлежности автора «Поединка» и «Молоха» к реализму: «Для нашей эпохи Куприн ценен как один из лучших представителей критического реализма» [5, л. 19 об.], приближая таким образом творчество вернувшегося из эмиграции писателя к идеалам советской литературы».

Эту же мысль о правдивом и точном изображении действительности он будет развивать и далее: «Куприн ценен для нас как тонкий и правдивый изобразитель психологии детей. Его рассказы о детях („Белый пудель“, „Белый принц“, „Слон“ и др.) представляют исключительную ценность» [5, л. 20]. Примечательно использование произведений Куприна для утверждения революционных идей, в данном случае без ведома автора.

Так, в 1936 г. по мотивам рассказа «Белый пудель» был снят семейный приключенческий фильм «Первый день», правда, старика-шарманщика заменили девушкой-революционеркой, которая во время цирковых выступлений с пуделем распространяла прокламации. Режиссер и автор сценария фильма – А. Такайшвили, производство Госкинопром Грузии, но он так и не вышел на экраны [33, с. 51].

В основном В. И. Бойчевский пишет о произведениях, прославивших писателя и тематически связанными с актуальными в то время принципами изображения: «В 90-х годах прошлого столетия он выступал в печати с повестью „Молох“, в которой одним из первых в литературе изобразил завод, показал жизнь рабочих» [5, л. 19]; «с особенной силой проявилось в его творчестве резко критическое отношение к царской армии. Отупляющая солдата палочная дисциплина, жизнь офицерства, развращенного бездельем, актами насилия и произвола над солдатской массой – все это показано Куприным в его рассказах из жизни царской армии („Ночная смена“, „Дознание“) и особенно сильно в его романе „Поединок“, который выдвинул автора в ряд самых значительных писателей до-Октябрьской эпохи» [5, л. 19].

Повесть «Поединок», действительно, принесла всенародную известность писателю и вызвала массу противоречивых откликов в печати. Не касаясь подробного рассмотрения данного вопроса, отметим лишь некоторые из них. Так, К. И. Чуковский в статье о «Поединке» (1905) также называет эту повесть обличительной, при этом отмечает искренность, свежесть и силу мастерства писателя [34, с. 352, 355]. В. В. Воровский в литературно-критическом очерке о Куприне (1910) пишет о том, что военная среда предоставила ему большой материал для изучения «порочности» и «уродства» армейских порядков, автор повести «особенно резко подчеркивает недо-

статки господствующих классов и бесправие угнетаемых классов нашего общества» [35, с. 26].

В. Князев в памфлете «Красный трибунал» (1918) утверждает, что «В этой книге он, Александр Куприн, является революционером <...> Февральский переворот был совершен сказочно легко и безболезненно, благодаря повести Куприна „Поединок“» [36, с. 510].

Далее Бойчевский выделяет отдельные темы в творчестве писателя: «Тематическая широта творчества А. И. Куприна сказана в том, что он показал жизнь актеров („Как я был актером“ и др.) цирка („Борцы“, „Клоун“), Балаклавских рыбаков („Листригоны“), прозябание сельской интеллигенции в условиях до-Октябрьской России („Мелюзга“), представителей уголовного мира („Киевские типы“), гнойник проституции, без которых не может обойтись капиталистический мир („Яма“)» [5, л. 19–19 об.]. Такую черту, как прекрасное знание писателем жизненного материала, отмечали еще до-революционные критики.

Одной из главных черт творчества Куприна критик называет мастерство писателя в изображении природы: «Его произведения полны влюбленностью в красоту природы, призывом к тому, чтобы человек умел отрешиться от мертвящих условий жизни капиталистического общества и отдаваться природе» („Листригоны“, „Олеся“, „Полесье“ и др.) [5, л. 20]. Добавим, что об образе природы в творчестве писателя критики с восхищением писали и раньше, например, читаем у В. Воровского в очерке о Куприне: «У него природа играет важную и, главное, самостоятельную роль. Это не фон, усиливающий настроение картины, как в рассказах М. Горького, а самостоятельный деятель рассказа. Природа у Куприна живет своей жизнью, не считаясь с человеком, скорее человек подчиняет ей свои настроения» [35, с. 22].

Как видим, в своей характеристике творчества Куприна В. И. Бойчевский фактически во многом повторяет оценки писателя дореволюционной критикой. Но при этом он по-своему расставляет акценты, обращая особое внимание на обличение писателем дореволюционного прошлого и близость его произведений духу нового строя.

Для советской идеологии была характерна вера в светлое будущее, победу коммунизма, утверждение оптимизма и бодро-

сти людей, живущих в социалистическом обществе.

Такою же черту подмечает критик и в произведениях Куприна, что позволяет говорить о нем, как о писателе, чье творчество созвучно современности: «Нам дорога в творческом наследии А. И. Куприна его жизнерадостность, оптимистическое утверждение ценности человеческой жизни. А. И. Куприн один из лучших в литературе изобразителей любви („Олеся“, „Суламифь“, „Гранатовый браслет“ и др.)» [5, л. 19 об.]. К сожалению, болезнь и немощ сказались на том, что, приехав на родину, писатель был не в состоянии работать, а вскоре после тяжелой болезни он умер, поэтому критик замечает, что «А. И. Куприну не удалось изобразить советскую действительность: смерть этому помешала. Но то, что мы находим в его произведениях, изображающих до-Октябрьскую действительность, дорого советскому читателю» [5, л. 20]. И выводом: «Лучшие произведения А. И. Куприна входят в тот золотой фонд русской литературы прошлого времени, который любовно и тщательно изучают народы Советского Союза, творящие социалистическую литературу, социалистическое искусство» [5, л. 20] – В. И. Бойчевский утверждает А. И. Куприна как важного для современной литературы писателя, ставя его в один ряд с признанными классиками и включая его творчество таким образом в единый историко-литературный процесс.

Подводя общие итоги, необходимо также сказать, что после смерти А. И. Куприна его вдова была обеспечена на уровне потомков и родственников признанных советским государством писателей, художников и даже государственных деятелей. 300 р персональной пенсии республиканского значения в те годы – это реальная государственная забота и поддержка. Сам факт назначения жене писателя весьма статусной пенсии, предполагающей получение дополнительного пакета льгот, свидетельствует о признании Александра Ивановича одним из самых значительных писателей дооктябрьской эпохи. Заключение, подготовленное В. И. Бойчевским, отражает общую тенденцию в отношении Куприна – принятие и утверждение вернувшегося писателя как русского классика. Подтверждением этому служат многочисленные издания и экранизации его произведений, включение их в школьную программу, изучение его литературного наследия учеными.

Список литературы

1. Купринская энциклопедия / авт. проекта и гл. ред. Т. А. Кайманова. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2016. 852 с.
2. «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, док. / сост., предисл. и науч. коммент. Т. А. Каймановой. Пенза, 2020. 968 с.
3. Храбровицкий А. В. А. И. Куприн в 1937 году // Минувшее: ист. альм. 1988. № 5. С. 353–358.
4. Рассказова Л. В. Последние страницы жизни А. И. Куприна: спорное и бесспорное // Философия отечественного образования: история и современность: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2014. С. 172–175.
5. Куприн Александр Иванович // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А539. Оп. 7. Д. 2259. 23 л.
6. Пильский П. О возвращении Куприна // «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, док. / сост., предисл. и науч. коммент. Т. А. Каймановой. Пенза, 2020. С. 760–764.
7. Арсеньева Л. О Куприне // «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, док. / сост., предисл. и науч. коммент. Т. А. Каймановой. Пенза, 2020. С. 621–628.
8. Миленко В. Д. Куприн: Возмутитель спокойствия. Москва: Молодая гвардия, 2016. 367 с. (Жизнь замечательных людей).
9. Отклики эмиграции на возвращение Куприна // «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, док. / сост., предисл. и науч. коммент. Т. А. Каймановой. Пенза, 2020. С. 862–864.
10. Куприна К. А. Куприн – мой отец. Москва: Худож. лит., 1971. 252 с.
11. «Куприна впустить можно» // Источник. 1996. № 2. С. 153–155.
12. Фонская С. Куприн в Подмоскovie // «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, док. / сост., предисл. и науч. коммент. Т. А. Каймановой. Пенза, 2020. С. 867–873.
13. Куприн А. И. Избранное. Москва: Гослитиздат, 1937. Т. 1–2.
14. «Господа офицеры» (по повести А. И. Куприна «Поединок»). Литературный сценарий В. Голичникова и В. Папоригопуло. Последний вариант // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-257. Оп. 16. Д. 691. 89 л.
15. «Господа офицеры» (по повести А. И. Куприна «Поединок»). Режиссерский сценарий В. Голичникова и В. Папоригопуло, режиссер И. Сорохтин. Вариант А // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-257. Оп. 16. Д. 692. 122 л.
16. «Господа офицеры» (по повести А. И. Куприна «Поединок»). Режиссерский сценарий В. Голичникова и В. Папоригопуло, режиссер И. Сорохтин. Вариант Б // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-257. Оп. 16. Д. 693. 189 л.

17. Хронология жизни и творчества А. И. Куприна / сост.: Э. М. Ротштейн, Т. А. Кайманова // Купринская энциклопедия / авт. проекта и гл. ред. Т. А. Кайманова. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2016. С. 756–785.

18. Хеллман Б. «Я сам виноват, что не умею писать для кино». Александр Куприн и кино // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2013. № 1. С. 68–81.

19. Мэтьюз М. Становлением системы привилегий в Советском Союзе // Вопросы истории. 1992. № 2/3. С. 45–61.

20. Положение об обеспечении персональными пенсиями лиц, имеющих исключительные заслуги перед Республикой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 мая 1930 г. // Собрание узаконений РСФСР. 1930. № 25. Ст. 325.

21. О персональных пенсиях: Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 30 мая 1928 г. // Собрание законов СССР. 1928. № 35. Ст. 315.

22. Чернышевский Николай Гаврилович // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 33. 46 л.

23. Петров-Водкин Кузьма Сергеевич (жена Петрова-Водкина Мария Федоровна) // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 1. Д. 1121. 22 л.

24. Вересаев Викентий Викентьевич // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 37. 27 л.

25. Дзержинский Феликс Эдмундович // ГАРФ. Ф. А539. Оп. 5. Д. 28. 5 л.

26. О нормах пенсий и семейных надбавках инвалидам военной службы и лицам, приравненным к ним, а также членам семей этих лиц: инструкция № 2 НКСС РСФСР от 13 февр. 1937 г. // Усиков А. Я. Государственное социальное обеспечение. Москва: Изд-во НКСС, 1939. С. 197–199.

27. Медведовская Э. Еще одна страница – последняя // «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, док. / сост., предисл. и науч. коммент. Т. А. Каймановой. Пенза, 2020. С. 921–962.

28. Рассказова Л. В., Кайманова Т. А. Куприна Елизавета Морицевна // Купринская энциклопедия / авт. проекта и гл. ред. Т. А. Кайманова. Пенза: ИП Соколов А. Ю., 2016. С. 294–297.

29. Литературная энциклопедия. Москва: Изд-во Коммунист. Акад., 1929–1939. Т. 1–11.

30. Бойчешский В., Дегтеревский И., Шишкевич М. Современная художественная проза и поэзия: (опыты лит. вечеров). Москва: Новая Москва, 1926. 139 с.

31. Бойчешский В., Малкис В. Шишкевич М. О коллективных лекциях: сб. ст. Москва: Новая Москва, 1926. 72 с.

32. Бойчешский В., Малкис В., Шишкевич М. Сборник Агит-суды... Москва: Новая Москва, 1926. 102 с.

33. Марголит Е. Я., Шмыров В. Ю. Изъятые кино. 1923–1953. Москва: Информ.-аналит. фирма «Дубль-Д», 1995. 134 с.

34. Чуковский К. И. «Поединок» Куприна // Чуковский К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Москва: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 6. С. 350–357.

35. Орловский П. Куприн // Из истории новейшей русской литературы. Москва: Звено, 1910. С. 21–35.

36. Князев В. Красный трибунал. Дело Куприн // «Врут, как зеленые лошади...»: Куприн в воспоминаниях, письмах, док. / сост., предисл. и науч. коммент. Т. А. Каймановой. Пенза, 2020. С. 509–550.

References

1. Kaimanova T. A. (auth. project, ed.). Kuprinskaya encyclopedia. Penza: IP Sokolov A. Yu., 2016. 852 (in Russ.).

2. Kaimanova T. A. (comp., forew., sci. comment.). «They lie like green horses...»: Kuprin in memoirs, letters, doc. Penza, 2020. 968 (in Russ.).

3. Khrabrovitsky A. V. A. I. Kuprin in 1937. *Past: hist. almanac*. 1988. 5, 353–358 (in Russ.).

4. Rasskazova L. V. The last pages of the life of A. I. Kuprin: controversial and indisputable. *Philosophy of national education: history and modernity: coll. art. Intern. sci.-practical conf.* Penza, 2014. 172–175 (in Russ.).

5. Kuprin Alexander Ivanovich. *State Archive of the Russian Federation (SARF)*. F. A539. Op. 7. D. 2259. 23 (in Russ.).

6. Pilsky P. On the return of Kuprin. «They lie like green horses...»: Kuprin in memoirs, letters, doc. / comp., forew. and sci. comment. T. A. Kaimanova. Penza, 2020. 760–764 (in Russ.).

7. Arsenyeva L. About Kuprin. «They lie like green horses...»: Kuprin in memoirs, letters, doc. / comp., forew. and sci. comment. T. A. Kaimanova. Penza, 2020. 621–628 (in Russ.).

8. Milenko V. D. Kuprin: Troublemaker. Moscow: Molodaya gvardiya, 2016. 367. (Life of remarkable people) (in Russ.).

9. Responses of emigration to the return of Kuprin. «They lie like green horses...»: Kuprin in memoirs, letters, doc. / comp., forew. and sci. comment. T. A. Kaimanova. Penza, 2020. 862–864 (in Russ.).

10. Kuprin K. A. Kuprin is my father. Moscow: Khudozh. lit., 1971. 252 (in Russ.).

11. «Kuprin can be let in». *Source*. 1996. 2, 153–155 (in Russ.).

12. Fonskaya S. Kuprin in the Moscow region. «They lie like green horses...»: Kuprin in memoirs, letters, doc. / comp., forew. and sci. comment. T. A. Kaimanova. Penza, 2020. 867–873 (in Russ.).

13. Kuprin A. I. Favorites. Moscow: Goslitizdat, 1937. 1–2 (in Russ.).

14. «Gentlemen officers» (according to the story of A. I. Kuprin «Duel»). Literary script by V. Golichnikov and V. Paporigopulo. The last version. *Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg (CSALA Saint-Petersburg)*. F. P-257. Op. 16. D. 691. 89 (in Russ.).

Литературные заслуги А. И. Куприна перед Советским государством

15. «Gentlemen officers» (according to the story of A. I. Kuprin «Duel»). Director's script V. Golichnikov and V. Paporigopulo, director by I. Sorokhtin. Option A. CSALA *Saint-Petersburg*. F. P-257. Op. 16. D. 692. 122 (in Russ.).
16. «Gentlemen officers» (according to the story of A. I. Kuprin «Duel»). Director's script V. Golichnikov and V. Paporigopulo, director by I. Sorokhtin. Option B. CSALA *Saint-Petersburg*. F. P-257. Op. 16. D. 693. 189 (in Russ.).
17. Rotshtein E. M. (comp.), Kaimanova T. A. (comp.). Chronology of the life and work of A. I. Kuprin. *Kuprinskaya encyclopedia* / auth. project and ed. T. A. Kaimanova. Penza: IP Sokolov A. Yu., 2016. 756–785 (in Russ.).
18. Hellman B. «It's my own fault that I can't write for cinema». Alexander Kuprin and cinema. *Bulletin of Saint-Petersburg University. Art criticism*. 2013. 1, 68–81 (in Russ.).
19. Matthews M. The formation of the system of privileges in the Soviet Union. *Questions of history*. 1992. 2/3, 45–61 (in Russ.).
20. Regulations on the provision of personal pensions to persons who have exceptional services to the Republic: Decree of the All-Russ. Central Executive Comm., Council of People's Commissars of the RSFSR of May 20, 1930. *Collection of laws of the RSFSR*. 1930. 25, 325 (in Russ.).
21. On personal pensions: Decree of the Central Executive Comm. of the USSR, Council of People's Commissars of the USSR of May 30, 1928. *Collection of laws of the USSR*. 1928. 35, 315 (in Russ.).
22. Chernyshevsky Nikolai Gavrilovich. SARF. F. A539. Op. 5. D. 33. 46 (in Russ.).
23. Petrov-Vodkin Kuzma Sergeevich (wife of Petrov-Vodkin Maria Fedorovna). SARF. F. A539. Op. 1. D. 1121. 22 (in Russ.).
24. Veresaev Vikenty Vikentievich. SARF. F. A539. Op. 5. D. 37. 27 (in Russ.).
25. Dzerzhinsky Felix Edmundovich. SARF. F. A539. Op. 5. D. 28. 5 (in Russ.).
26. On the norms of pensions and family allowances for invalids of military service and persons equated to them, as well as members of the families of these persons: instruction N 2 People's Commissariat for Social Security of the RSFSR of Febr. 13. 1937. *Usikov A. Ya. State social security*. Moscow: Izd-vo NKSO, 1939. 197–199 (in Russ.).
27. Medvedovskaya E. One more page – the last. «*They lie like green horses...*»: Kuprin in memoirs, letters, doc. / comp., forew. and sci. comment. T. A. Kaimanova. Penza, 2020. 921–962 (in Russ.).
28. Rasskazova L. V., Kaimanova T. A. Kuprina Elizaveta Moritsevna. *Kuprinskaya encyclopedia* / auth. project and ed. T. A. Kaimanova. Penza: IP Sokolov A. Yu., 2016. 294–297 (in Russ.).
29. Literary encyclopedia. Moscow: Publ. house. Kommunist Acad., 1929–1939. 1–11 (in Russ.).
30. Boychesky V., Degterevsky I., Shishkevich M. Modern artistic prose and poetry: (experiments of literary evenings). Moscow: New Moscow, 1926. 139 (in Russ.).
31. Boychesky V., Malkis V. Shishkevich M. About collective lectures: coll. art. Moscow: New Moscow, 1926. 72 (in Russ.).
32. Boychevsky V., Malkis V., Shishkevich M. Collection of Agit Courts... Moscow: New Moscow, 1926. 102 (in Russ.).
33. Margolit E. Ya., Shmyrov V. Yu. Withdrawn cinema. 1923–1953. Moscow: Inform.-analitical firm «Double-D», 1995. 134 (in Russ.).
34. Chukovsky K. I. «Duel» by Kuprin. *Chukovsky K. I. Collected works*: in 15 vols. Moscow: FTM Agency, Ltd., 2012. 6, 350–357 (in Russ.).
35. Orlovsky P. Kuprin. *From the history of modern Russian literature*. Moscow: Link, 1910. 21–35 (in Russ.).
36. Knyazev V. Red Tribunal. Case Kuprin. «*They lie like green horses...*»: Kuprin in memoirs, letters, doc. / comp., forew. and sci. comment. T. A. Kaimanova. Penza, 2020. 509–550 (in Russ.).